

Андрей Назмо

Остров, которого
нет

18+

Андрей Нэмо

Остров, которого нет

«Автор»

2026

Нэмо А.

Остров, которого нет / А. Нэмо — «Автор», 2026

Рейс VN-4471 пропал над Южно-Китайским морем. На борту было двенадцать человек. Самолёт не найден. Спасатели разводят руками. Карты показывают пустое море — никакого острова в том квадрате нет. Максим, один из выживших, приходит в себя на берегу. Джунгли вокруг живут по своим законам. Небо здесь зелёное. А из глубины острова доносится низкий гул — как дыхание. Как будто что-то ждёт. Его друг Денис отказывается верить в смерть Максима. Он остался в Хошимине и теперь идёт по следу, которого нет. Рыбаки молчат. Военные закрыли район. Карты лгут. Но Денис найдёт способ добраться туда — или умрёт, пытаясь. Два берега. Две линии. Остров, который не хочет, чтобы его находили.

© Нэмо А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Нэмо

Остров, которого нет

Пролог

Запись с чёрного ящика. Рейс VN-4471. 14 часов 32 минуты по местному времени.

(Шум двигателей. Ровное гудение. Голос второго пилота, спокойный, с лёгкой усталостью.)

ВТОРОЙ ПИЛОТ: Хошимин-подход, VN-4471, высота три тысячи двести, курс дваноль-семь. Всё стабильно.

ДИСПЕТЧЕР: (в помехах) VN-4471, вас понял. Разрешаю снижение до... (треск) ...двадцать восемь...

КАПИТАН: Что-то связь барахлит. Повтори.

ВТОРОЙ ПИЛОТ: (пауза) Странно. Компас... компас уходит.

КАПИТАН: Что значит «уходит»?

ВТОРОЙ ПИЛОТ: Не знаю, капитан. Стрелка крутится. Как будто... как будто магнитного полюса больше нет.

(Пауза. Шум двигателей не меняется. Потом — тихий, низкий гул. Такой, которого не должно быть в кабине.)

КАПИТАН: Хошимин, VN-4471, у нас проблемы с навигацией. Запрашиваю...

(Треск. Долгий. Как будто кто-то рвёт бумагу прямо у микрофона.)

ДИСПЕТЧЕР: (еле слышно) ...не летите... повторяю... не летите в сектор...

КАПИТАН: Что он сказал?

ВТОРОЙ ПИЛОТ: (голос дрожит) Капитан... посмотрите в иллюминатор.

(Пауза. Пять секунд. Десять.)

КАПИТАН: Этого не может быть.

ВТОРОЙ ПИЛОТ: Небо... оно... оно зелёного цвета.

КАПИТАН: Mayday, mayday, mayday! VN-4471, мы... (голос обрывается)

(Звук, похожий на скрежет металла по стеклу. Очень близко. Потом — тишина. И только ровный, ритмичный шум. Как дыхание. Как будто что-то огромное ждёт.)

Глава 1

Хошимин встретил их стеной жара.

Максим вышел из стеклянных дверей терминала Таншоннят и тут же почувствовал, как рубашка прилипла к спине. Воздух здесь был не воздухом, а чем-то плотным, почти жидким — им дышали, как бульоном. Пахло бензином, жареными каштанами, рыбой с рынка и ещё чем-то сладким, цветочным, от чего слегка кружилась голова.

— Ну и жарища, — выдохнул Денис, вытаскивая из рюкзака солнечные очки. — Я думал, в Сочи жарко. А тут...

— Это тебе не Сочи, — усмехнулся Максим, поправляя лямку тяжёлой сумки. В его сумке лежал ноутбук в защитном чехле, блокнот с расчётами и запасные носки — инженер брал в отпуск то, что могло пригодиться. У Дениса в рюкзаке, судя по всему, были только плавки, крем от загара и бутылка рома, украденная из дьюти-фри.

Они стояли у выхода, и мимо них текла река Вьетнама. Мотороллеры — их здесь были сотни, если не тысячи — сновали между такси и автобусами, как рыбы в аквариуме. Водители сигналили без остановки, но не от злости, а как будто это был язык: «я здесь», «пропусти», «добрый день». На обочине старуха в конической шляпе продавала из корзины что-то, завернутое в банановые листья. Денис смотрел на всё это, приоткрыв рот. Так смотрят дети на витрину кондитерской — когда ещё не выбрал, но уже хочешь всё. Старуха подняла голову, посмотрела на Дениса — прямо на него, будто он был единственным белым в этой толпе, — и улыбнулась беззубым ртом. Денис улыбнулся в ответ.

Они пошли было к такси, но Денис вдруг замедлил шаг. Не остановился — именно замедлил, как будто ноги перестали слушаться. Максим обернулся. Денис смотрел не на него — на улицу. На старуху, которая уже отвернулась и снова возилась со своей корзиной. На мотороллеры. На флаги. Он смотрел так, как смотрят на то, что не хотят покидать.

— Слушай, — сказал он вдруг, и в голосе его появилась та самая нотка, по которой Максим сразу понимал: друг затевает что-то. — А давай я тут останусь?

Максим остановился. Повернулся.

— В смысле?

— Ну... ты же сам говорил, хочешь тишины. А тут, — Денис обвёл рукой шумный проспект, — тут жизнь, Макс. Понимаешь? Я в офисе уже полгода сижу. Мне надо... не знаю.

Почувствовать, что я живой. Пообщаться с обычным народом. — Он помолчал. — Я в последнее время просыпаюсь и не понимаю, зачем. Понимаешь? Просто не понимаю.

Максим хотел сказать: «А я понимаю?» — но промолчал. У него не было ответа. Ни для Дениса, ни для себя.

Максим посмотрел на друга. Денису было двадцать восемь, как и ему, но выглядел он моложе — вечно растрёпанные волосы, лёгкая щетина, улыбка, которая не сходила с лица даже на собеседованиях. Вот и сейчас он улыбался — но уже не старухе. Максиму. И в этой улыбке было что-то виноватое, почти детское: «прости, я опять всё испортил». Они дружили ещё со школы, с той самой питерской пятиэтажки, где вместе собирали компьютеры из б/у запчастей и мечтали уехать куда-нибудь далеко. И вот — уехали. Только мечтали о разном.

— Ты же знал, что мы летим на Фукуок. Там тоже жизнь есть.

— Да, но там — как наша прежняя жизнь. А тут... — Денис махнул рукой в сторону улицы, где как раз проезжал грузовик, увешанный разноцветными флагами. — Тут чужая. Мне это надо. Просто надо. Сам не знаю почему.

Максим вздохнул. Когда-то он спорил. Когда-то пытался включать логику, расчёты, доводы. С Денисом это не работало. Тот всегда принимал решения за секунду, как будто внутри у него был какой-то свой компас, который не нуждался в расчётах.

— Ладно, — сказал Максим. — Но телефон не выключай. И каждый день пиши, а то прилечу и вытащу тебя прямо из массажного салона, если не будешь отвечать!

Они постояли ещё минуту, молча. Потом Денис вдруг сунул руку в карман.

— Держи, — он протянул Максиму что-то тяжёленькое, металлическое. Мультируль. Маленький, потёртый, с компасом на рукоятке. — Чтобы не потерялся!

Максим удивлённо хмыкнул, оглядывая подарок, узнав отсылку к шутке о массажном салоне:

— А как ты его провёз через рамки металлоискателя на таможне?

— Не переживай! Он карбоновый, с керамическими лезвиями. Не запищит! — И Денис хлопнул его по спине. — Ладно, я пошёл... а то тут одна азиаточка из кафе на меня смотрит, кажется, я ей понравился.

Внутренний рейс на маленький остров, который Максим выбрал по совету какого-то форумчанина — «там почти нет туристов, только природа», — вылетал через четыре часа. Эти четыре часа он провёл в зале ожидания, листая на планшете чертежи какого-то проекта — на работе его ждали после отпуска, и он привык готовить всё заранее. В зале ожидания пахло лемонграссом и чем-то сладким — наверное, духи какой-то пассажирки. Он запомнил этот запах. Через несколько часов он будет вспоминать его, лёжа на песке и пытаясь отдышаться.

Самолёт был маленький — старенький ATR-72, вместимостью человек на пятьдесят, но заполненный меньше чем наполовину. На обшивке, возле иллюминатора, Максим заметил царапину — глубокую, как шрам. «Интересно, сколько раз этот борт попадал в болтанку», — подумал он и отогнал мысль. Максим поднялся по трапу, показал билет стюардессе — та кивнула с усталой улыбкой — и пошёл по салону, выбирая место. Сел у окна, в третьем ряду. Рюкзак сунул на полку, достал блокнот.

Салон заполнялся постепенно. Он не сразу начал разглядывать пассажиров — сначала просто смотрел в иллюминатор, на полосу. Но понемногу, краем глаза, стал отмечать: кто здесь, сколько нас, что за люди.

Первой он заметил девушку через проход — светлые волосы, собранные в небрежный пучок, тонкие очки, и на коленях у неё лежит толстая книга. Не роман, не путеводитель. Максим прищурился — на обложке было написано что-то вроде «Анатомия человека. Том III». Она что-то подчёркивала карандашом, губы её шевелились — читала вслух, тихо, для себя.

Студентка-медик, — подумал Максим. — Или уже врач. Кто ещё в отпуске читает анатомию?

Через два ряда сидела женщина — нет, девушка, но очень собранная, в строгой чёрной блузке, с планшетом в руках. Она говорила по телефону, быстро и тихо, на китайском. Максим не знал языка, но интонации были понятны без перевода: это был разговор не о погоде. Кто-то что-то должен, кто-то опоздал, кто-то подвёл. Девушка хмурилась, и пальцы её нервно постукивали по обложке планшета.

Где-то сзади раздался громкий шёпот:

— ...и вот мы сейчас взлетим, ребята, и я вам покажу остров, о котором никто не знает... да-да, именно так, эксклюзив... ставьте лайки...

Максим обернулся. Молодая, с яркими прядями в волосах — кажется, розовыми — сидела, повернувшись к иллюминатору, и держала перед собой телефон на какой-то палке.

Блогер, — усмехнулся про себя Максим. — Ну, поехали.

Чуть дальше, в конце салона, откинувшись в кресле и закинув ноги на соседнее пустое место, сидела высокая девушка с тёмной кожей, в майке-борцовке и с наушниками на ушах. На предплечье у неё был старый шрам — похоже, от коралла. Она спала, или делала вид, что спит, и всем своим видом говорила: «не трогайте меня, пока я сама не проснусь».

Австралийка, — решил Максим. — Точно. И серфер, судя по всему.

Он закрыл блокнот, откинулся в кресле. Самолёт загудел, затрясся, пополз по полосе. За иллюминатором мелькнул терминал, потом — море. Сначала мелкое, мутное, с лодками рыбаков, потом — глубокое, синее, до самого горизонта.

Максим достал наушники, включил музыку. Старый «Кино». Цой пел про то, что «мы вышли из себя и ищем вход». Максим усмехнулся — совпадение. Сунул руку в карман — нащупал Мультитул. Тяжёлый. Тёплый от тела. «Не потеряйся», — вспомнил он голос Дениса. И почти сразу уснул.

Он проснулся от того, что самолёт резко дёрнулся.

Турбулентность. Бывает.
Он повернулся к иллюминатору — просто чтобы глянуть, сильно ли болтает.
Небо было каким-то странно-зелёным.

Нет. Не бывает.

Не травяным, не изумрудным — каким-то странным, болезненным, как будто кто-то вылил в атмосферу флакон зелёнки. И это зелёное небо медленно сгущалось, как туман. В ушах появился тонкий звон — не громкий, но противный, как комариный писк. Максим сглотнул — и почувствовал металлический привкус на языке.

— Девушка! — раздался рядом женский голос. Соседка с книгой — та самая, с анатомией на коленях — повернулась к стюардессе. Голос её был ровным, но пальцы сжимали книгу так, что побелели костяшки. — Что происходит?

Стюардесса что-то отвечала, но Максим не слышал — в ушах звенело. Он посмотрел вперёд: девушка в чёрной блузке уже не говорила по телефону, она смотрела в иллюминатор широко открытыми глазами. Блогерша перестала снимать. Телефон в её руке дрожал — она даже не заметила, что трансляция ещё идёт, и где-то в интернете триста человек смотрели, как зеленеет небо над Южно-Китайским морем. Австралийка проснулась и сидела, свесив ноги с кресла, глядя вперёд, на кабину пилотов. Где-то сзади заплакал ребёнок — тонко, безнадежно, — и тут же замолчал, как будто мать зажала ему рот ладонью.

Самолёт дёрнулся снова. Сильнее. Кто-то ахнул.

— Дамы и господа, — раздался голос капитана из динамиков. — Просим вас... — пауза. Секунда. Две. — ...пристегнуть ремни. У нас... небольшие сложности.

Максим услышал эти паузы. Инженер всегда слышит паузы между словами — там, где должны быть цифры, а их нет. Он знал: когда тебе говорят «небольшие сложности» да ещё и в воздухе — это значит, что всё очень и очень плохо. Сердце ударило в рёбра — раз, другой, — и затихло, как будто прислушиваясь. За иллюминатором снова сверкнуло — ярко, до рези в глазах. Так сверкает короткое замыкание. Когда в щитке летят искры, и ты понимаешь: сейчас вырубится всё. Только здесь не щиток. Здесь небо.

Самолёт накренился. За иллюминатором зелёное небо начало темнеть, как будто кто-то закрывал его огромной ладонью.

Потом — хлопок. И салон погрузился в темноту. Аварийное освещение не включилось.

Максим перестал чувствовать пальцы. Просто — раз, и нет. Как будто тело исчезло, осталось только сознание, подвешенное в темноте.

Даже Денису не успел написать, — промелькнуло в голове.

На секунду — абсолютная, звенящая тишина. Как будто весь мир затаил дыхание. И вдруг салон взорвался истошными криками.

— Mayday, mayday! — раздался голос из кабины, но уже без той фальшивой спокойности. Теперь в нём был чистый, животный страх. — Мы теряем высоту! Приборы... !

Отказали, — мысленно закончил Максим. Инженер всегда заканчивает фразы, даже когда падает.

Самолёт резко пошёл вниз. Не плавно, не как при обычном снижении, а камнем — так, что желудок Максима ударился о рёбра, и он почувствовал, как кровь прилила к голове. Кислородные маски выстрелили из панелей над сиденьями, закачались на проводах, как мёртвые медузы.

— Пристегните ремни! Пристегните ремни! — кричала стюардесса, но её голос тонул в вое — это был не двигатель, это был воздух, разрываемый падающей машиной, — и в истошных криках пассажиров.

Максим инстинктивно дёрнул ремень — затянул ту же, так, что пряжка врезалась в живот. Рядом с ним девушка-медик — Ксения — уже надевала маску, но руки её дрожали, и ремешок не попадал в застёжку.

— Помогите... — прошептала она.

Максим попытался поднять руку — и не смог. Перегрузка вдавила его в кресло, как бетонная плита. Он стиснул зубы, рванул плечо вперёд — мышца взвыла, — и пальцы дотянулись до её затылка. Нашупали ремешок. Защёлкнули.

Ксения вздрогнула — не от маски, от прикосновения, — и посмотрела на него. Глаза огромные, белые, как у загнанного зверя. Кивнула.

Самолёт клюнул носом. На этот раз так, что что-то хрустнуло — то ли в обшивке, то ли в чьих-то костях. Максим почувствовал этот хруст животом — как будто звук прошёл сквозь тело и отразился от позвоночника. Из передней части салона донёсся крик — короткий, обрывающийся.

— Мы падаем! — заорал кто-то. — Мы падаем!

Максим посмотрел в иллюминатор. Зелёное небо превратилось в чёрный вихрь. И сквозь этот вихрь он увидел — воду. Близко. Очень близко. Серую, свинцовую, с белыми гребнями волн.

Секунд десять, — подумал он. — Может, пятнадцать.

И вдруг — идиотская, неуместная мысль: *блокнот. В сумке на полке. Три месяца расчётов. Намокнет к чертовой матери.*

О чём ты думаешь, идиот?

Он почти рассмеялся. Почти.

Он обернулся. Китайка Вэй — та самая, в чёрной блузке, — сидела, вцепившись в подлокотники, и диктовала кому-то в телефон. Голос — жёсткий, как у училки на экзамене. Связь давно пропала, но она этого не знала. Или знала, но не могла остановиться. Блогерша с розовыми прядями плакала, прижав телефон к груди, как икону. Австралийка — Хлоя — не кричала. Она сидела, зажмурив глаза, и что-то шептала. Губы двигались ровно, ритмично, как будто она читала стихи. Или считала. Молитву? Ругательство? Максим не разобрал. Но в этом ритме было что-то жуткое — как будто она не боялась. Или боялась так, что перешла в другое состояние.

— Brace! Brace! — кричала стюардесса. — Пригнитесь! Головы вниз!

Максим согнулся, уткнулся лбом в колени, обхватил голову руками. Сердце колотилось так, что он слышал его в ушах — тук-тук-тук, как молоток по наковальне.

И тогда он услышал это.

Не рёв двигателей. Не крики. Не треск обшивки.

А что-то другое. Низкий, вибрирующий гул, который шёл не из самолёта. Он шёл снизу. Из-под воды. Из-под острова, который они, может быть, уже видели, а может, нет. Гул, от которого дрожь пошла по коже, по костям, по зубам. Максим почувствовал его животом — как будто внутри что-то резонировало, пыталось ответить. Зубы заныли, словно от кислоты.

Что это?

Инженер внутри него попытался найти ответ: тектоническая активность? Подводный вулкан? Смерч?

Ничего не подходило.

Тогда что?

Самолёт ударился о воду.

Удар был таким, что мир рассыпался на осколки. Ремень врезался в живот — Максим почувствовал, как внутренности поджались к позвоночнику, а в глазах вспыхнуло белое. Не свет. Боль. Что-то хрустнуло — громко, близко, у самого уха. Кресло перед Максимом сложилось, как картонное, и кто-то — он не видел кто — пролетел через весь салон, ударился о потолок и упал.

Вода.

Холодная, солёная, с запахом тины и чего-то металлического — крови? бензина? — ворвалась в салон через пролом в носу. Тот, другой запах — лемонграсс, духи пассажирки из зала ожидания — исчез. Его больше не существовало. Вода хлынула не потоком, а стеной — чёрная, клокочущая, с пеной у горла.

Максим успел вдохнуть — и вода пошла в лёгкие. Он закашлялся, захлебнулся, и кашель перешёл в рвотный рефлекс, но рвать было нечем.

Ремень. Снять ремень.

Пальцы его нашли пряжку — она не поддавалась. Он дёрнул сильнее — пальцы соскользнули. Вода поднималась. Уже по пояс. Уже по грудь.

Рядом Ксения билась в своём кресле — она тоже не могла расстегнуть ремень. Глаза её метались, полные ужаса — и вдруг остановились на Максиме. В этом взгляде не было мольбы. Только вопрос: «Ты тоже?» Вода уже дошла до её подбородка.

Максим рванул пряжку в последний раз — и она поддалась. Ремень ослаб. Он выскользнул из кресла, и вода подхватила его, закружила, швырнула к потолку — потом обратно, к полу.

Темнота.

Он открыл глаза — и ничего не увидел. Только мутная, зелёно-чёрная вода, в которой плавали обрывки — кресла, сумки, чьи-то руки, чьи-то ноги.

Вверх. Надо вверх.

Он толкнулся ногами — и тут же ударился головой о что-то твёрдое. В черепе отозвалось глухим звоном. Потолок? Пол? В этой каше уже не было верха и низа.

Лёгкие горели. Он чувствовал, как они сжимаются, как тело требует воздуха, как мозг посылает сигналы — дыши, дыши, дыши — но дышать было нечем.

Рука его нащупала что-то — ткань. Он схватился. Потянул. Это было сиденье — он цеплялся за него, как за спасательный круг, и тащил себя вверх, сквозь воду, сквозь обломки, сквозь чужие тела, которые плавали вокруг, как мёртвые рыбы.

Не смотри. Не смотри на них. Гребь.

Свет.

Слабый, мутный, но свет — сверху. Он рванулся к нему, грёб руками, бил ногами, и вода вокруг него стала светлее, и он почувствовал — воздух.

Максим вынырнул.

Вдохнул — жадно, хрипло, с кровью и солёной водой во рту. Закашлялся. И тут же захлебнулся новой волной, которая накатила, швырнула его на что-то твёрдое — на металл, на обломок фюзеляжа.

Он уцепился за него пальцами. Лёг, прижавшись щекой к холодному, скользкому металлу, и дышал — короткими, рвущими глотками.

Вокруг кипела вода. Обломки. Крики — где-то далеко, где-то близко. Кто-то звал на помощь. Кто-то уже не звал.

Максим приподнял голову.

Берег. В сотне метров. Белый песок, пальмы, джунгли за ними — тёмные, непроглядные. И небо — то самое, зелёное небо — медленно светлело, как будто катастрофа была для него просто досадной помехой.

Он огляделся. Вода вокруг него была пуста. Только обломки. Он поискал глазами женщину с ребёнком. Не нашёл. Ни женщины. Ни ребёнка. Ни крика.

Вокруг один только ХАОС !!

Он вцепился в обломок и смотрел на берег. Сил грести не было. Тело дрожало. В голове — пустота. Он лежал на холодном металле, один, посреди кипящего моря, и просто дышал. Секунда. Десять. Тридцать.

А потом, сквозь шум волн, он услышал кашель.

Совсем рядом. Захлёбывающийся, с присвистом, с плеском воды. Максим повернул голову. Из воды, в паре метров от него, вынырнула голова. Светлые волосы, тонкие очки — Ксения. Она кашляла, плевалась, ловила ртом воздух, но глаза её — живые.

— Максим... — прохрипела она.

Он кивнул. Хотел ответить — не смог. Горло горело.

Из воды, метрах в двадцати, показалась ещё одна голова. Тёмная кожа — Хлоя, австралийка. Она держалась за обломок крыла и что-то кричала — но ветер и волны заглушали голос.

Они были не одни.

Максим снова посмотрел на берег. Белый песок. Пальмы.

Мы добрались, — подумал он, проваливаясь в серую, гудящую усталость. — *Добрались.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.